

Summary

The article of Kornijenko having investigated the functioning of slavonicisms in the Ukrainian literary language of the 19 th century we can determine them as organic component of the word-stock of the Ukrainian language and important stylistic device realized by means of gradual changing of functional status of slavonicisms in the Ukrainian language in the period of its formation, single, dot inclusion of slavonicisms into the text of art work predominates over concentrated and phrasal. Stylistic marking of slavonicisms has been leveled in many cases, and their gradual transmission in the category of usual nominative means became obvious.

Keywords: slavonicisms, semantic development of the word-stock, re-comprehension of meaning, stylistic functions of words.

УДК 811.161.1'373.7:821.161.24–3.08

Томилина Г.Я.,

Манакина Н.М.,

кандидаты филологических наук,
Запорожский национальный университет

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИННОВАЦИИ И ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКИЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ УСТОЙЧИВЫХ ОБОРОТОВ В ЯЗЫКЕ ПРОЗЫ А.П. ЧЕХОВА

Наряду с узуальными А.П.Чехов в своих рассказах употребляет окказиональные фразеологизмы, которые новы, оригинальны и приобретают в контексте разнообразную коннотацию. Кроме того, в текстах чеховских рассказов наблюдается явление семантических трансформаций лексических и фразеологических единиц, которые выражают существенную информацию идейно-образного содержания. Отмеченные явления и составляют **предмет исследования** данной статьи.

Узуальный фразеологизм в современном русском литературном языке создается в соответствии с его нормами и характеризуется устойчивостью. Однако эта устойчивость в языке писателя выступает как относительный признак, потому что фразеологические единицы в нем могут подвергаться разнообразным трансформациям. Изучением этой проблемы занимались А.И. Молотков, Н.М. Шмелев, В.Н. Телия, А.И. Ефимов, Н.М. Шанский, Л.И. Плотникова, С.Г. Гаврин, А.М. Григораш, В.М. Мокиенко, А.П. Мордвилко и другие лингвисты.

Материалом анализа этой статьи послужили индивидуально-авторские или семантически преобразованные фразеологические единицы (ФЕ) преимущественно из ранних рассказов Чехова по типу: *Всё это **двуногое живьё** воспиталось в лакействе, объелось, огрубело, потеряло образ и подобие, одним словом* (Княгиня). По той же модели строится ФЕ ***интеллигентное бревно***, которая называет поручика Помоева в одноимённом рассказе автора и выступает в роли идеонима. Метафорический в своей основе фразеологизм также выражает отрицательную оценочность. Оценочную коннотацию содержит и ФЕ ***длиннополая аллилуя***, дающая профессиональную характеристику дьячка одним из персонажей: *Гляди, **длиннополая аллилуя** в митрополиты выскочит, чего доброго придется*

руку *целовать* (Дуэль). В этой иронической фразеологической номинации церковнослужителя, выступающего в роли прозвища церковнослужителя, определяемый компонент обозначает хвалебный припев христианском богослужении, а определение характеризует одежду (длиннополую рясу) дьячка.

Целью статьи является определение структурно-семантических особенностей построения подобных идеонимов, или индивидуально-авторских фразеологических единиц, а также установление их коннотативно-образных характеристик в рассказах А.П. Чехова.

Проанализированные примеры показывают, что писатель использует различные приемы словесной экспликации главным образом отрицательных характеристик своих персонажей. Это может быть авторская ФЕ с оценочной коннотацией амбивалентной направленности, включающая в качестве компонента просторечное существительное **балбес** с презрительной окраской, и определение **сиятельный** в смысле – “имеющий титул сиятельства” также дает отрицательную характеристику персонажу: *Публике он не нравился (в уезде иначе не называли его, как “сиятельным балбесом”) мне же лично князек был до крайности симпатичен... (В потемках). Социальную характеристику человеку придает индивидуальная ФЕ канцелярский столп: Умри кто-нибудь из маленьких, мы не стали бы тебя беспокоить, а то ведь секретарь... канцелярский столп некоторым образом (Оратор), а также авторский фразеологизм **кухаркин сын** (о человеке из простонародья): ...И если б на нем не было гимназической куртки, то по наружности его можно было бы принять за **кухаркина сына** (Мальчики).*

Даже нечистая сила под пером писателя приобретает социальную характеристику. В этом отношении особенно интересен фразеологизм **отставные черти**. Компонент ФЕ **отставные** непосредственно переводит чертей в ранг людей, сравн.: *отставной генерал, отставной поручик: Эти отставные черти, поступившие в люди, женились на богатых купчихах и отлично теперь живут (Беседа пьяного с трезвым чёртом).* Метафорическую основу имеет индивидуально-авторский устойчивый оборот **латинская кухня**, характеризующий фармацевтику: *По ту сторону прилавка, отделяющего латинскую кухню от толпы в полумраке копошились две темные фигуры (В аптеке).* Авторский фразеологизм **писательский зуд**, также имеющий образную основу, употребляется в нескольких рассказах. В шутку автор его характеризует как заразную и неизлечимую болезнь: *Писательский зуд неизлечим (Правила для начинающих авторов); О болящих писательским зудом и изолировании таких от общества (Нечто серьезное).* С болезнями, эпидемиями Чехов ассоциирует даже свадебный обряд: *Такую свадебную эпидемию можно объяснить только атмосферными возлияниями и долгим постом (Красная горка).*

Пародируя язык некоторых современных ему философско-этнических сочинений писатель создает оригинальный авторский фразеологизм **гусиная нравственность**: *Сидеть бы нам зиму здесь, где и места много и яства изобильны, и гусиная нравственность самобытна (Гусиный разговор).*

Юмористический оттенок придаёт контексту авторская ФЕ **Соединенные Штаты**, основанная на переносном употреблении макротопонима в значении “брюки”: *Думали сначала, что он на бильярде сукно порвал, как поглядели, братец ты мой, у него **Соединенные Штаты** по всем швам* (В номерах). По той же модели, но с перестановкой компонентов стоится фразеологическое новообразование **красота мотыльковая**: *Это была **красота мотыльковая**, к которой так идут вальс, порханье по саду, смех, веселье...* (Красавицы)

Некоторые авторские фразеологические новообразования включают оба компонента существительные. Осмеивая риторику, господствующую в русском обществе конца XIX в., писатель использует устойчивый оборот **цветы красноречия**: **Цветами красноречия** был усыпан путь ко всякой карьере... (Хорошая новость). Ироническую экспрессию вносит в контекст авторская ФЕ книжной стилистической окраски **заедание будущего**, построенная по той же модели, в речи советчика начинающим писателям: *Гонорар получай тотчас же по напечатании. Авансов избегай. Аванс – это **заедание будущего*** (Правила для начинающих авторов).

В речи Лаевского преемники лишних людей, сменившие их во второй половине XIX в., называются **осколками крепостничества**. Эта историко-социальная политическая характеристика имеет полемическую направленность: *Что вы, батенька, хотите от нас, осколков крепостничества?* (Дуэль).

В следующем глагольном фразеологизме Чехов употребляет компонент – авторский окказионализм: *Разведи там на могиле какую-нибудь **тантифолию поцицеронистей**, а уж какое спасибо получишь* (Оратор). Так один из героев рассказа характеризует в просторечии церемониальное красноречие. Индивидуально-авторским ФЕ писатель обращается при описании “свадебной эпидемии”: *После восьминедельного запрещения обыватели **входят** в такой **мариажный азарт**, что девицы едва успевают ловить момент, а папаши **отсчитывать прилагательное*** (Красная горка). Определение **мариажный**, мотивированное устаревшим галлицизмом марьяж “брак, свадьба”, образует авторскую ФЕ **входить в мариажный азарт** с нарушенной внутренней формой. Субстантив прилагательное в устойчивом обороте **отсчитывать прилагательное** является эвфемистической заменой компонента **приданое**. Оба авторских вербальных фразеологизма оригинально изображают саму обстановку русской свадьбы в её динамике.

Чеховские окказиональные фразеологические выражения могут выражать настроение, передавать восторженное состояние человека: *Проза **остается прозой** даже тогда, когда кружится голова и **вальсируют чувства*** (Тост прозаиков). Индивидуально-авторский фразеологизм **всходили солнца** служит для выражения экзотической национально-культурной коннотации: *В желудке было жарко, или, выражаясь по-арабски, **всходили солнца*** (Рассказ, которому трудно подобрать название).

Неотъемлемой частью русской культуры уже стали такие известные индивидуально-авторские фразеологизмы и обороты Чехова, как **человек в футляре**, **жалобная книга**, **палата № 6**, **унтер-Пришибеев**, **толстый и тонкий** и др.

Особое место среди чеховских индивидуальных ФЕ занимают сравнительные обороты. Некоторые авторские сравнения включают названия объектов из области фауны. Символы человеческих свойств сначала были приданы животным, а затем стали употребляться для антропометрического эмотивно-оценочного объяснения человеческих свойств [6, 108]. Следующий авторский сравнительный оборот характеризует внутреннюю речь героя: *Бледная немочь... подумал он. – Вероятно, нервна, как индюшка* (Тина).

Среди чеховских зооморфных сравнения преобладают распространенные различными падежными формами: *Сказав такую умную фразу, бывший Исаак от удовольствия поднял правую бровь ещё выше и поглядел на меня как-то боком, как петух на зерно* (Перекасти-поле). Иронический оттенок приобретает авторское сравнение соматизма с рыбным деликатесом в описании женского портрета: *Черные глаза, губы красные, как хорошая семга, ноздри дышат страстью, грудь – буфера...* (Поцелуй). Реже писатель в роли объектов сравнения использует растения. Глубоко индивидуально сравнение Серёжи (персонажа) с **парниковым овощем**: *Он был вял телом, как парниковый овощ, и всё у него казалось необыкновенно нежным и мягким* (Дома). Авторское сравнение отворяющихся дверей с соматизмом *рты* усиливается глагольной метафорой *глотали* и служит созданию свежего, динамического образа: *Двери со звоном отворялись и, как рты, глотали людей, которые сновали у подъезда* (Каштанка).

Под пером писателя сравнения становятся образным средством создания юмористического портрета героя: *В углу на табурете сидит швейцар, старь, как “Сын Отечества”, и худой, как щепка* (Лист). Очень экспрессивно авторское сравнение лени как проявления отрицательного морального качества с женщиной легкого поведения: *Во-вторых, она разоряет меня, как французская кокетка* (Моя “она”).

Нередко писатель использует в роли объектов сравнений религиозные реалии. Очень оригинально индивидуально-авторское сравнение судебных дел с церковной службой без певчих: *Дела замелькали одно за другим и кончались быстро, как обедня без певчих...* (В суде). Ещё экспрессивнее и динамичнее окказиональное сравнение человека с чёртом накануне церковной службы: *Все его понимают, все подставляют ему ножку, но, тем не менее, он всюду сует свой нос, всюду нюхает, везде вертится, как чёрт перед заутренней* (Ряженые).

Писатель обращается также к сравнительным придаточным предложениям. Описывая самочувствие артиста Дикобразова, Чехов употребляет придаточное предложение с союзом *точно*: *Отчего это у меня все болит? недоумевал он. Точно по мне поезд прошёл* (Средство от запоя). Описывая восторженное состояние художника, в качестве объекта сравнения писатель использует улыбающиеся внутренности: *<...> И он испытывает такое ощущение, точно у него в животе улыбаются все внутренности* (Талант).

Следующее алогичное индивидуальное сравнение характеризует восторженное состояние персонажа: *Выпьешь ты рюмку, а у тебя в животе делается, словно ты от радости помер* (Отставной раб).

Как было отмечено, кроме индивидуально-авторских фразеологических единиц, Чехов использует различные преобразования узуальных устойчивых оборотов. Любые трансформации в форме и семантике фразеологических оборотов основываются на отклонениях от их нормативности [6, 199–200]. В результате нарушения стойкости узуальных ФЕ возникают структурно-семантические, семантические, стилистические и прагматические преобразования узуальных устойчивых оборотов. Одним из приёмов чеховской трансформации является замена одного из компонентов. Вместо слова-компонента может выступать его контекстуальный синоним, например, **дамский бабий**: *Добился таки своего, негодный шаркун, бабий угодник! Гадина! Тварь!* (Дамы). Употребление синонима, изменяющего состав фразеологизма, позволяет писателю более точно описать состояние персонажа, выразить его переживания: *Вам надо ещё, значит, чтоб у меня козыряло тут под сердцем... Вам надо, чтобы меня совесть мучила* (Переполох). Иронический оттенок вносит употребление причастия **карабкающиеся** вместо **всходящие на Парнас**: причастие от просторечного глагола вносит стилистическое изменение контекста: *Желательно, впрочем, чтобы карабкающиеся на Парнас были возможности люди зрелые...* (Правила для начинающих авторов). **Парнас** в древнегреческой мифологии – это ороним, название горы в Фессалии, где находились Аполлон и музы. В чеховском тексте оживляется первичное значение топонима; в то же время на него накладывается образное употребление – “совокупность поэтов, поэзия какого-либо народа” [1, 412].

Индивидуальное использование одного из компонентов ФЕ, заменившего узуальный в особом, возвышенном значении позволяет писателю выразить восхищение коллег перед учителем с большой буквы: *Правду сказал кто-то в училищном совете, что вы поэт в своём деле. Именно поэт!* (Учитель). Употребление существительного **поэт** вместо узуального **мастер** (сравните: мастер своего дела) обновляет, освежает устойчивый оборот, усиливает его экспрессивность.

Иногда авторская структурно-семантическая трансформация основывается на антонимических отношениях между компонентом ФЕ и словом в контексте: *И дальние родственники суть наши ближние. Люби их* (Нетлетворные мысли). На антонимии к узуальному устойчивому обороту строится чеховская индивидуальная ФЕ **светлая личность** в “Рассказе идеалиста”. Иногда замена более конкретного на более общее наименование в качестве компонента ФЕ имеет ситуативный характер: вместо компонента *список* используется слово *отдел*: *Дьячок крутит головой, зачеркивает Герасима и переносит его в заупокойный отдел* (Канитель).

В процессе преобразования может возникать инверсия компонента (рубаха-парень → человек-рубаха): *Самойленко любил своего приятеля. Он видел в Лаевском доброго малого, студента, человека-рубаху...* (Дуэль). Просторечный фразеологизм *рубаха-парень* означает “общительный, бескорыстный, простой в обращении человек” [2, 393]. ФЕ отличается культурно-национальной коннотацией и выполняет характерологическую функцию [3, 48]. Тот же механизм преобразования наблюдается и в примере: *Благотворительность она любит, ибо нигде нельзя*

так много и с таким вкусом судачить, **перебирать косточки** ближних, дьяволить и **вылезать сухой** из воды, как на почве благотворительности (Ряженые). Замена одного из компонентов может способствовать большей конкретизации и обновлению узуального фразеологизма. Так, вместо устаревающего компонента **вершить** писатель употребляет **вращать**, что ведёт к оживлению внутренней формы устойчивого оборота: *Переписывает ли он только бумаги, сочиняет ли умные проекты или, быть может, даже **вращает судьбами общества**, неизвестно* (Дачница). По аналогии к фразеологическому выражению **Тихий ангел пролетел** Чехов создает ФЕ **пролетел конфуз**: *В воздухе на манер тихого ангела **пролетел конфуз**; всем троим стало неловко* (Пустой случай).

В процессе преобразования узуальных ФЕ возможна контаминация двух устойчивых оборотов: *Погоди, вышлю им деньги, **заткну зубы**, тогда и она выедет отсюда* (Дуэль). Автор объединяет две ФЕ – *заткнуть рот, стиснуть зубы*. Заслуживает внимания процесс контаминации ФЕ и слова под влиянием народной этимологии, что Чехов отражает в речи обер-кондуктора Спичкина: *А потому я весьма желал бы сочетаться **узами игумена**, то есть вступить в законный брак с какой-нибудь достойной особой* (Хороший конец). На ФЕ **узами Гименя**, т.е. законным браком, накладывается существительное *игумен* – “настоятель мужского монастыря”. Интересный приём контаминации на лексико-семантическом уровне представлен в хвастливой речи актёра, где сталкиваются разные употребления омографов **лāvровый – лаврōвый**: *В Москве в мой бенефис мне молодёжь поднесла такую массу **лāvровых венков**, что я, клянусь вам, что только есть у меня, не знал, куда девать их. Впоследствии, в минуты безденежья я снес **лаврōвый лист** в лавку* (Первый любовник).

Возможность осмысления устойчивого оборота и в прямом, и в переносном значении, особенно, когда в контексте чеховского рассказа реализуется первое из них, ведёт к буквализации значения и разрушению фразеологизма: *Милостивый государь! **Проба пера!*** (Жалобная книга). Контекст реализует свободное употребление в отличие от ФЕ **Проба пера** “первый литературный опыт” [7, 360].

По-разному писатель использует и многозначность компонентов ФЕ. Слово *хиромантия* обозначает искусство предсказывать человеческую судьбу по линиям руки. Но так как особой веры у людей в эти гадания не было, слово-компонент в языке прозаика обозначает ерунду, чепуху: *Пропишет какой-нибудь хиромантии, а ты пей* (Симулянты). **Прописать хиромантию** в этом контексте означает прописать лекарство, однако очень сомнительного свойства.

Разновидностью структурно-семантической трансформации узуальных фразеологизмов является усечение одного из компонентов. Усечение, или эллипсис, устойчивого оборота особенно характерно для разговорной речи: *Я его ещё с Москвы знаю: как начнёт водку лопать, так потом месяца два без просыпа* (Средство от запоя). Узуальный устойчивый оборот *узы Гименя* включает древнегреческий теоним *Гименей*. Выражение *связать себя узами Гименя* означало “вступить в супружество”. Вместо ФЕ *узы Гименя* писатель употребляет

один теоним: *Узнал от шаферов, что раненый офицер ловким манером избежал Гименея* (Из записок вспылчивого человека). Усечение представлено и в следующем контексте: *Через прислугу посылать тоже нельзя, потому что твой Собакевич, наверное, держит в ежовых горничную и лакея* (Месь).

Противоположный прием преобразования общезыкового фразеологизма – расширение его состава. Чаще всего писатель расширяет узуальную ФЕ за счет включения нового прилагательного (эпитета): *Я, доктор медицины, дворянин студент Московского университета. Отец семейства, такая мелкая и ничтожная сошка, что меня можно выгнать в шею без объяснения причин* (Княгиня). Эпитет **ничтожная** выражает градацию и служит интенсификации выражения чувства обиды героем рассказа. Расширение узуальной ФЕ индивидуализирует речь персонажа: *Или он начинал нести длинную галиматью об Онегине, Печорине, Каине, Базарове, про которых говорил: “Это наши отцы по плоти и духу”* (Дуэль).

Значительно реже Чехов обращается к семантическим трансформациям. При семантическом преобразовании форма ФЕ сохраняется без изменения. Так, обыгрывая религиозные представления индуизма о переселении душ, Чехов устами своего персонажа пишет иронически: *Я верю в переселение душ. Эта вера далась мне опытом. Моя собственная душа за всё время моего земного прозябания перебивала во многих животных* (Несколько мыслей о душе). Семантическая трансформация происходит во фразеологическом сочетании **канцелярская принадлежность**. Устойчивый оборот подчеркивает омертвление всей бюрократической системы России, в которой и человек превращается в канцелярскую принадлежность: *Пасмурные окна, стены, голос секретаря, поза прокурора – всё это было пропитано равнодушием и дышало холодом, точно убийца составлял простую канцелярскую принадлежность...* (В суде). Узуальный фразеологический оборот *ищите женщину* – калька соответствующего французского устойчивого оборота. Это фразеологическое выражение употребляется, когда хотят сказать, что виновницей какого-либо события, бедствия, преступления является женщина [1, 242]. В языке прозы Чехов фразеологизм употребляется в новом, совершенно противоположном смысле: *Загорелась заря новой жизни, нашлись идеалы – и тут ищи женщину* (Дуэль).

Идиостиль Чехова отмечен также “столкновением” стилистически разнородных языковых единиц, что можно охарактеризовать как стилистическое преобразование фразеологизмов. Ср.: *Низшие приютские чины прячут одеяла и простыни под замок, чтобы старухи не пачкали – пусть спят чёртовы перечницы на полу* (Княгиня). В одном контексте употребляются канцелярский оборот и грубо-просторечное выражение, выражающее психологию низших чинов через несобственно-прямую речь. Стилистическая трансформация вызвана окружением ФЕ, необычным контекстом [5, 62]. Стилистическое преобразование фразеологизма происходит при его сочетании с грубо-просторечными словами: *Разве не приятно сознание, что ты заронил искру в какую-нибудь*

толстокожую башку (Первый любовник). Подобная стилистическая трансформация наблюдается и в следующем употреблении: *Прзойдись! Господа, честью прошу! Честью просят тебя, дубина!* (Брожение умов).

Таким образом, чеховские индивидуально-авторские и преобразованные узуальные фразеологизмы разнообразны по форме и удивительно ярки по выражению экспрессивно-образной информации. Наиболее распространенным видом преобразований узуальных ФЕ в прозе Чехова является структурно-семантический. Другие виды трансформаций – семантическая, стилистическая, прагматическая – менее характерны для индивидуального стиля писателя.

Чеховские окказиональные устойчивые обороты оказали огромное влияние на концептосферу русской культуры, что может послужить отдельным предметом многообещающего исследования.

Литература

1. Ашукин Н. С., Ашукина М. Г. Крылатые слова / Н. С. Ашукин, М. Г. Ашукина. – М. : ГИХЛ, 1955. – 666 с.
2. Бакина М. А. Структурно-семантические преобразования фразеологических единиц в современной поэзии / М. А. Бакина // Русский язык в школе. – 1980. – № 2. – С. 67–73.
3. Добровольский Д. О. Национально-культурная специфика во фразеологии / Д. О. Добровольский // Вопросы языкознания. – 1997. – № 6. – С. 37–48.
4. Молотков А. И. Основы фразеологии русского языка / А. И. Молотков. – Л. : Наука, 1977. – 220 с.
5. Радбиль Т. Б. Языковая аномальность в русской речи : к проблеме типологии / Т. Б. Радбиль // Русский язык в научном освещении. – М. : Языки славянской культуры, 2006. – № 1 (11). – С. 77–100.
6. Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / В. Н. Телия. – М. : Наука, 1986. – 141 с.
7. Фразеологический словарь русского языка / под ред. А. И. Молоткова. – М. : Советская энциклопедия, 1967. – 543 с.

Аннотация

В статье анализируются фразеологические новообразования, а также индивидуально-авторские преобразования узуальных устойчивых оборотов в языке рассказов А.П. Чехова.

Ключевые слова: узуальный, окказиональный фразеологизм, структурно-семантическая, семантическая, стилистическая, прагматическая трансформации.

Анотація

Фразеологічні інновації та індивідуально-авторські перетворення узуальних усталених зворотів у мові оповідань А.П. Чехова.

Ключові слова: узуальна, окказиональна фразера, структурно-семантична, семантична, стилістична, прагматична трансформації.

Summary

The paper deals with occasional and individual idioms in Chekhov's stories, and mechanism of semantic transformations usual idioms in the contexts as well.

Keywords: usual, occasional idiom, structural-semantic, semantic, stylistic, pragmatic transformation.